

Надоедники.

«Расскажи, моя родная.
Отчего я так грустна?
День и ночь сижу одна я,
У заветного окна»...

Грустно и уныло, с какой-то болезненной ноткой звучал детский голос в морозном воздухе, и грустно и уныло наигрывала шарманка свою печальную песню. Старик-шарманщик, в лохмотьях, худой и жёлтый, как лимон, с видимым усилием вертел рукоятку. Маленькая девочка, вся съёжившаяся от холода, силилась вторить разбитым звукам отцовского инструмента; её личико посинело и распухло; волосы прядями выбивались из-под дырявого платка; в больших глазах, робко обводивших окна дома, стояли слезы.

Было утро накануне рождественского сочельника. В одном из подъездов двора отворилась дверь, и из неё вышел мальчик с ранцем за плечами. Его звали Серёжей. Ему было двенадцать лет; он шёл в гимназию, сегодня в последний, раз перед праздниками. Серёжа был мальчик не злой, но очень легкомысленный и большой шалун — „сущий озорник“, как выражалась о нём няня. Ну, опять уж эта шарманка!— с досадой проворчал он: — фу, скверный какой-то старикашка! А девочка-то, со своими противными мокрыми глазами! Вот бы их... того... хорошенько!.. Серёжа незаметно поднял под воротами камень, зашёл за ворота и, нацелившись из - за них так, что его самого на было видно, изо всей силы швырнул камнем в шарманщика... Вероятно, он сделал это неловко, потому что камень, описав в воздухе дугу, ударился в стенку дома, за спиной старика и даже не был им замечен. Не попал! Ах, досада какая — рассердившись, подумал мальчик; — как это так вышло! Ну, погодите, надоедники, жаль, что теперь-то вот некогда, а уж как доберусь до вас в другой раз, так не промахнусь!

Серёжа отправился в свою гимназию, пробыл там до назначенного часа и вернулся домой. Войдя в дверь, он вспомнил о шарманщике; опять в нём шевельнулась досада на свой утренний промах, и всё время, пока Серёжа поднимался по лестнице до квартиры, он составлял в голове план о том, откуда бы и чем бросить в старика, когда тот опять придёт играть на их двор.

Но вот Серёжа дома. Няня помогла ему переменить форменный костюм на домашний, и затем сказала: Знаешь, Сереженка, шарманщик-то, который был сегодня утром? Знаю, ну, что же? — лениво протянул Серёжа.

А вот, вскоре после того, как ты пошёл в гимназию, он начал собираться уходить,— и вдруг, словно снап, грохнулся замертво на землю, как стоял, среди двора... Девочка как взвояет, как закричит — бросилась домой, к матери... Сбежались тут жильцы, дворники, в участок бедняка отвезли. Сейчас вот Афанасий, подручный, пришёл оттуда, говорит, доктор сказал, что это со стариком приключилось, что сильно изголодавший был. Серёжа слушал няню и чувствовал, что внутри у него всё похолодело. - А где он теперь? — с трудом дыша, спросил он. В участке; там его в чувство приводят, — ответила няня.

— Что уж с ним дальше делать будут — не знаю... А дома, вероятно, ни гроша нет: одной ведь шарманкой кормились, а сегодня не заработали ничего, так есть в семье нечего, а ребяташек — куча: жена больна, а тут праздник... этакое горе... — закачала головой старушка-няня. Няня! Как бы узнать, где они живут? — вдруг оживляясь, спросил Серёжа. Где живут? — переспросила няня. — Дворник знает... Да на что тебе? Няня! Прошу тебя, умоляю тебя, — чуть не плача, заговорил Серёжа, — оденься скорее, поди, узнай, и снеси им... вот это; пусть купят себе что — нибудь поесть к празднику...

Серёжа, дрожа всем телом, шарил по карманам и совал няне в руку все свои мелкие деньги и трёхрублёвую бумажку, подаренную ему накануне бабушкой на праздник. Няня с изумлением смотрела на него. Серёженька... ах, что же это? Вот, вот, золотой мой, сейчас пойду... да только... что ты это так?.. Не много ли им будет?.. Нет, нет, иди... Христа ради, иди... — чуть не со слезами торопил Серёжа: — отдай им всё это...слышишь... всё, и скорей, скорей... и после приди, мне скажи! Няня, не понимая поведение своего питомца, но видя, как он взволнован, поспешила, чтобы исполнить его настоящее поручение. Серёжа, оставшись один, опустился на стул и закрыл лицо руками.

„Упал замертво... Изголодавшийся был... от голода упал... с болью в сердце мысленно повторял мальчик: — и девочка плакала — тоже от голода!.. А я! Я хотел попасть в них камнем! И как старался-то! Как метил! Прямо в него... Не попал!.. О, благодарю Тебя, Господи!..“

